

Виктория Токарева

Террор любовью

И з д а т е л ь с т в о « А з б у к а »

Виктория Самойловна Токарева

Террор любовью (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19198044

Террор любовью : Повесть и рассказы: Азбука, Азбука-Аттикус;

Санкт-Петербург; 2016

ISBN 978-5-389-11871-3

Аннотация

«Поезд тронулся. Моя первая любовь ошарашенно провожала глазами бегущие вагоны. Я продемонстрировала полное равнодушие, невнимание и даже хамство. Но я ничего не демонстрировала. Я торопилась. У меня была своя жизнь. И все, что связано с этим человеком, перестало быть интересным.

Ужас! Куда уходит вещество любви? А ведь была любовь, и какая... Всеобъемлющая. Одухотворенная. И где она?..»

В. Токарева

Содержание

Террор любовью

5

Конец ознакомительного фрагмента.

63

Виктория Токарева

Террор любовью

© Токарева В. С., 2006, 2008

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Террор любовью

Мы носимся по двору. Играем в лапту. Моя сестра Ленка – приземистая и прочная, как табуретка, в желтом сарафане с желтыми волосами. Она быстро бегают, ловко уворачивается, метко бьет. Очень ценный член команды.

Я – иссиня черноволосая, с узкими глазами, похожа на китаячка. Я способна победить любого врага, но при условии: чтобы все это видели. Мне нужна слава. Просто победа для себя мне неинтересна. Тщеславие заложено в мой компьютер.

Третья в нашей команде – Нонна, дочка тети Тоси. Мы все живем в одной коммуналке. Нонна отличается от всех детей во дворе. В ее косички вплетены бусинки, у нее сложное платьице с кружевными вставками.

Она – как сувенирная кукла, хорошенькая, изящная, и при этом – сообразительная. Нонна умеет предугадывать ходы противника. В ней есть качества, необходимые для победы.

Мы носимся, заряженные детством, азартом, жадной победы. А на дворе меж тем послевоенный сорок шестой год. Поговаривают, что в седьмом подъезде из людей варят мыло. Сначала, естественно, убивают, а потом уж варят и продают на рынке. Правда это или нет – неизвестно.

Во время блокады практиковалось людоедство. Люди –

продукт. Их можно есть и варить на мыло.

Однажды мы с сестрой шли мимо третьего подъезда и какая-то нестарая женщина попросила нас подняться на пятый этаж и спросить: увезли ли больного в больницу.

– Я бы сама поднялась, – сказала женщина. – Но у меня нога болит.

Мы с сестрой отправились вверх по лестнице, но где-то в районе третьего этажа нам надоело. Сестра предложила:

– Давай скажем, что увезли...

Мы вернулись обратно и сказали женщине:

– Увезли.

И пошли себе. Мне показалось: она удивилась.

Скорее всего она удивилась тому, как быстро мы обернулись. Но вдруг она послала нас на мыло... Я до сих пор помню ее удивленное лицо.

Мы носимся, играем. Мы почти побеждаем. Еще чуть-чуть...

В окнах одновременно возникают лица наших матерей.

– Нонна! Обедать! – кричит тетя Тося.

– Девочки, домой! – кричит наша мама.

У тети Тоси лицо бледное и вытянутое, как огурец. А у нашей мамы круглое и яркое, как помидор. Обе они – тридцатилетние, красивые и безмужние.

Мой отец погиб на войне, а у Нонны умер вскоре после войны от тяжелого ранения. «Мы не от старости умрем, от

старых ран умрем...» Эти стихи Семена Гудзенко я прочитала много позже. А тогда... тогда моя мама любила повторять: «Я вдова с двумя ребятами...» Так оно и было.

Мы не хотим идти домой. У нас игра в разгаре. Но с нашей мамой шутки плохи. Она лупила нас рукой. Рука была как доска.

Мы понуро плетемся домой. Садимся за стол.

Мама приготовила нам воздушное пюре с котлетой. Прошло почти полвека, а я до сих пор помню эту смуглую котлету с блестками жира и с запахом душистого перца. Я много раз в течение жизни пыталась повторить эту котлету и не смогла. Так же, как другие художники не смогли повторить «Сикстинскую Мадонну» например.

Я думаю, моя мама была талантливым человеком. А талант проявляется в любых мелочах, и в котлетах в том числе.

Мама работала в ателье вышивальщицей. Вышивала карманы на детские платья. Ее никто не учил. Просто одаренность выплескивалась наружу. Мама брала работу на дом и в течение дня делала три кармана: земляничку с листочком, белый гриб на толстой ножке и мозаику. Мозаика – это разноцветные треугольнички и квадратики, расположенные произвольно. Если долго на них смотреть, кажется, что они сдвигаются и кружатся. Каждый карман – это замысел и воплощение. Творческий процесс. Цена этого творчества невелика. За каждый карман маме платили рубль. И когда мама

что-то покупала в магазине, то мысленно переводила цену на карманы. Например, килограмм колбасы – три кармана. День работы.

Однажды мы с сестрой вернулись из театра на такси. Мы были уже девушки: пятнадцать и восемнадцать лет. Мать увидела, как мы вылезаем из машины. Такси – это два дня работы, двенадцать часов непрерывного труда. Мать не могла вытерпеть такого транжирства, но и сделать ничего не могла. Мы уже вылезли. Уже расплатились. Тогда она распахнула окно настежь и заорала громко, как в итальянском кино:

– Посмотрите! Миллионерки приехали!

Все начали оглядываться по сторонам. Мы с сестрой стояли как на раскаленной сковороде.

И еще мы знали, что получим по шее или по морде, что особенно больно, потому что рука как доска.

Но это было позже. А тогда мы – маленькие девочки, шести и девяти лет, в послевоенном Ленинграде. Мы едим котлету, а наши мысли во дворе: удар лаптой, мяч летит, Ленка бежит, Нонна наизготовке...

Иногда Нонна затевала театр.

Мы выбирали пьесу, разучивали роли и давали представление. Кулисами служила ширма. То, что за ширмой, – это гримерная. То, что перед ширмой, – сцена.

Мамы и соседи усаживались на стулья, добросовестно

смотрели и хлопали.

Билеты, кстати, были платные, по двадцать копеек за билет. Я помню, как выходила на сцену, произносила свой текст и купалась в лучах славы. Слава невелика, семь человек плохо одетой публики, но лучи – настоящие. Я помню свое состояние: вот я перед всеми и впереди всех, на меня все смотрят и внемлют каждому слову. Я – первая.

Откуда это желание первенства? Наверное, преодоление страха смерти, инстинкт самосохранения. Выделиться любой ценой и тем самым сохраниться. «Нет, весь я не умру...» А иначе непонятно: почему все хотят быть первыми. Не все ли равно...

Спектакль идет. Наши мамы незаметно плачут. Им жалко своих девочек – сироток, растущих без отцов. И себя жалко, брошенных на произвол судьбы. Мужья на том свете, им теперь все равно. А мамам надо барахтаться, и карабкаться, и преодолевать каждый день.

Мы ели однообразную пищу, но никогда не голодали. Мы росли без отцов, но не испытывали сиротства. Наши матери были далеки от педагогики, но они любили нас всей душой. А мы любили их. Не знаю, были ли мы счастливы. Но несчастными мы не были – это точно.

А вот наши мамы...

Папа погиб где-то далеко. Написали: смертью храбрых. Может быть, это какая-то особенная, приятная смерть...

Папин брат дядя Леня прислал маме траурную открытку:

черное дерево с обрубленными ветками и одинокая пустая лодка, приткнувшаяся к дереву. И надпись: «Любовная лодка разбилась о быт...» Мама смотрела на открытку и плакала. Дерево с обрезанными ветками – это папина жизнь, прекратившаяся так рано. А одинокая лодка – это мама. Быт – ни при чем. Любовная лодка разбилась о Великую Отечественную войну.

Мама плакала, глядя на открытку. В этот момент вошла моя сестра Ленка, постояла и пошла себе, при этом запела своим бесслухим голосом. Точнее сказать – загудела на одной ноте.

Мама отвлеклась от открытки и сказала с упреком:
– Наш папочка погиб, а ты поёшь...

Ночью я проснулась оттого, что горел свет. Мама и Ленка плакали вместе, обнявшись.

Это было два года назад, в эвакуации. Я помню деревянную избу, и вой волков, и веселый огонь в печке.

Дядя Павел, муж тети Тоси, вернулся с войны живым, но после тяжелого ранения. У него оторвало то место, о котором не принято говорить, и он не мог выполнять супружеские обязанности.

Тетя Тося не мирилась с положением вещей: вдова при живом муже. Она устраивала дяде Павлу скандалы, как будто он был виноват, и все кончилось тем, что тетя Тося стала приводить в дом мужчину, а дядя Павел и Нонна сидели в

это время на кухне. Он держал перед глазами газету, но не читал.

А потом дядя Павел слег. Мы бегали в аптеку за кислородной подушкой. Ничего не помогло. Он умер. Умер он тихо. Стеснялся причинить беспокойство.

Тетя Тося поняла запоздало: какой это был хороший человек в отличие от ее ухажеров, имеющих в наличии.

Дядя Павел больше жизни любил свою дочь Нонну, и не просто любил – обожествлял. И в этом они совпадали с тетей Тосей. А для всех остальных ухажеров Нонна была пустым местом, и даже хуже, поскольку мешала.

После смерти дяди Павла тетя Тося пошла работать краповщицей. Однажды ей понадобилось подписать какой-то документ. Она вошла в цех и отправилась в кабинет к начальнице.

Кабинет располагался в углу цеха – это была фанерная выгородка, над фанерой стекло, чтобы проникал свет.

Тетя Тося постучала в дверь. Ей не открыли, хотя она чувствовала: за дверью кто-то есть. Тишина бывает разная. Это была тишина притаившихся живых существ. Насыщенная тишина.

Тетя Тося снова постучала. Послушала, затаив дыхание. Но похоже, что и там затаили дыхание.

Тетя Тося подтащила к фанерной выгородке стол, на стол воздвигла стул и полезла, как на баррикаду. Ее глаза оказа-

лись вровень со стеклом. А за стеклом происходило что-то совершенно непонятное.

Тетя Тося обескураженно смотрела и считала количество ног. Вообще-то ног было четыре штуки, по две на человека. Но тете Тосе показалось, что их гораздо больше, а посреди всего этого переплетения – голый зад.

– Жопа, – определила она и крикнула: – Зин!

Подошла ее сменщица Зина.

– Чего тебе? – спросила Зина.

– Там жопа.

– Чья?

– Не знаю...

Зина полезла на стол, привстала на цыпочки. Ее роста хватило, чтобы заглянуть в стекло.

– Это Колька, – узнала Зина.

– Колька худой. Он туберкулезник. А этот упитанный... – не поверила тетя Тося.

Возле фанерной выгородки стали собираться люди. Народ всегда собирается там, где что-то происходит.

Позже начальница цеха Клава Шевелева скажет тете Тосе:

– Какая же ты сволочь, Тося...

– Это почему? – искренне не поняла тетя Тося.

– Ты тоже молодая и без мужа. Могла бы сочувствие понять.

– А зачем на работе? Что, нет другого места?

– Значит, нет.

Тетя Тося подумала и сказала:

– Я за правду...

Правда тети Тоси состояла в том, что она пришла подписать документ, ей не открыли. Она заглянула и увидела жопу. Вот и вся правда. И это действительно так. А такие понятия, как деликатность, сочувствие, – это оттенки, не имеющие к правде никакого отношения.

Вернувшись с работы, тетя Тося рассказала эту животрепещущую историю моей маме.

Разговор происходил на коммунальной кухне. Мама варила перловый суп – нежный и перламутровый. Мамины супы были не только вкусны. Они были красивы.

– А если бы ты оказалась на ее месте? – спросила мама, пробуя суп с ложки.

– С Колькой? – удивилась тетя Тося.

– И твое имя полоскали бы на каждом углу?

– Плевать! – Тетя Тося даже сплюнула для наглядности. – Пусть говорят что хотят. За себя я не расстраиваюсь. Но за Нон...

– Дай луковичку, – перебила мама.

Тетя Тося достала из кухонного шкафчика и протянула маме круглую золотую луковицу.

– Но за Нон... – продолжила она начатую мысль.

– Дай перчику, – снова перебила мама.

Для мамы был важен супчик, а для тети Тоси – любовь к дочери. Нонна – это святое.

– Но за Нон... – попыталась тетя Тося в очередной раз.

– Дай соли, – перебила мама.

Тетя Тося схватила свою солонку и вывернула ее в мамин суп.

Мама обомлела. Дети ждали обед. И что теперь?

Мама вцепилась в волосы лучшей подруги. Тетя Тося отбивалась как могла. Соседка Софья Моисеевна делала вид, что ничего не происходит. Держала нейтралитет. Она знала, что через час эти гойки помирятся и будут пить крепленое вино.

Так оно и было.

В квартире водились крысы. Их пытались извести, но крысы оказались не глупее, чем люди.

Однажды в крысоловку все же попала молодая сильная крыса. Я стояла и рассматривала ее. Мордочка, как у белки, но хвост... У белки хвост нарядный, пушистый, завершающий образ. А у крысы – голый, длинный, вызывающий омерзение.

Крыса нервничала в крысоловке, не ожидая от людей ничего хорошего.

И была права.

Моя мама поставила крысоловку в ведро и стала лить в ведро воду. Она решила крысу утопить.

До сих пор не понимаю, почему мама не выпроводила меня из кухни, не освободила от этого зрелища. Прошло полвека, а я до сих пор вижу перед собой розовые промытые

пальчики крысы, которыми она хваталась за прутья крысоловки, взбираясь как можно выше. Как в тонущем корабле...

Моя мама жила как получалось. Без особой программы.

К ее берегу прибило двух женихов, оба Яшки. Одного мы звали «Яшка толстый», а другого «Яшка здохлый».

Толстый заведовал мебельным магазином. Мама решила воспользоваться случаем и обновить мебель в нашей квартире. Яшка помог, но скоро выяснилось, что он помог в свою пользу. Мама была обескуражена. Ходила и пожимала плечами. Обмануть – это понятно. Торгаш есть торгаш. Но обмануть любимую женщину, почти невесту, вдову с двумя ребятами...

Яшка-толстый получил отставку.

Второй Яшка был болезненно худой. Но основной его недостаток – десятилетний сын. Чужой мальчик, которого мама не хотела полюбить. Она умела любить только своих и не скрывала этого.

Второй Яшка растворился во времени. Скорее всего мать не любила Яшек, ни одного ни другого. Настоящее чувство пришло к ней позже. Это был Федор – брат тети Тоси, капитан в военной форме. Федор – молодой, тридцатилетний, рослый, с зелеными глазами на смуглом лице. Такие были тогда в моде. О таких говорили: «душка военный». Статная фигура, прямая спина, брюки галифе, погоны на кителе.

Сейчас в моде совсем другие мужчины, и совсем другие

аксессуары сопровождают секс-символ. Например «мерседес»... А тогда...

Зеленые глаза и крупные руки свели нашу маму с ума. В доме постоянно звучал патефон, сладкий тенор выводил: «Мне бесконечно жаль твоих несбывшихся желаний...»

По вечерам мать куда-то исчезала. Мы с сестрой оставались одни.

Однажды мы собрались лечь спать и вдруг увидели, как под одеялом катится ком. Мы поняли, что это крыса. Как же мы ляжем в кровать, где крыса... Мы стали кидать на кровать стулья, книги – все, что попадалось под руку. Ком остановился. Крыса затихла. Может, мы ее оглушили или даже убили.

Мы смотрели на кровать и тихо выли. Нам было страшно от двустороннего зла: зла, идущего от хищной крысы и от содеянного нами.

Вошла тетя Тося. Увидела несчастных плачущих детей и стала нас утешать, обнимать, смешить. И даже принесла нам хлеб со сгущенкой на блюдечке. Это и сейчас довольно вкусно. А тогда... Мы забыли про крысу и про свой страх.

Тетя Тося откинула одеяло. Бедный полуобморочный зверек сполз на пол и тут же растворился. Видимо, под кроватью у крысы был свой лаз, своя нора с детьми и мужем, красивым, как дядя Федор.

Мамина любовь продолжалась год. Целый год она была

веселая и счастливая. А потом вдруг Федор женился. И привел свою новую слегка беременную жену к тете Тосе. Познакомить. Все-таки родня.

Тетя Тося накрыла стол и позвала маму, непонятно зачем.

Все уселись за один стол. Федор прилюдно обнимал свою молодую жену и пространно высказывался, что лучше иметь одного своего ребенка, чем двоих чужих. И все хором соглашались, а тетя Тося громче всех.

Мама сидела опустив голову, как будто была виновата в том, что у нее дети и она не годится такому шикарному Федору.

Мама встала и вышла из-за стола. Ушла в коридор, а оттуда на лестничную площадку. Она стояла и плакала, припав головой к стене. Этот подлый Федор прирос к ней, а его отдирали, и невидимая кровь текла рекой.

На другой день мама сказала тете Тосе:

– Какая же ты сволочь!

– Так я же сестра, – спокойно возразила тетя Тося.

Сестра всегда на стороне брата, и родные племянники лучше, чем приемные. Это правда. А такие мелочи, как дружба, сострадание, – это оттенки, не имеющие к правде никакого отношения.

У тети Тоси тоже ничего не получалось с личной жизнью. Короткое счастье заканчивалось подпольным абортom. Аборты были запрещены. Их делали на дому под покровом

ночи.

Нонна притворялась, что спит. Но она все слышала: железное позвякивание пыточных инструментов, тяжелые вздохи, сдавленные стоны...

А где-то далеко-далеко текла совсем другая жизнь. Где-то у кого-то были родные папы, отдельные квартиры и шоколадные конфеты. Можно было есть конфеты и нюхать обертки. О! Как пахнут обертки от шоколадных конфет!

В пятьдесят третьем году умер Сталин. Мы втроем собрались ехать в Москву: я, Ленка и Нонна. Мы собрались проводить вождя и учителя в последний путь, но наша мама вмешалась, как обычно. Мы все получили по увесистой оплеухе! И Нонна в том числе. Оплеуха решила дело.

Мы никуда не поехали и довольно быстро успокоились. Умер и умер. Что же теперь, не жить?

Мы забежали в трамвай – радостные и легкомысленные. Люди сидели и смотрели на нас молча и отстраненно. Стояла тяжелая тишина, как будто горе случилось не где-то на даче Сталина, а у каждого в доме. Смерть вождя воспринималась как личная трагедия.

Нонна хохотала над каким-то пустяком, я даже помню над каким: Ленка простодушно пукнула. Мы покатались со смеху. А народ в трамвае смотрел на нас без осуждения, скорее с состраданием. Вся страна осталась без поводыря – и куда мы забредем в ночи?

Время в этом возрасте тянется долго. Каждый день – целая маленькая жизнь. И казалось, что мы никогда не вырастем и наши мамы никогда не постареют. Все всегда будет так, как сейчас.

Я училась без особого удовольствия, но все же выполняла свои школьные обязанности. Если надо, значит, надо. Я не представляла, как можно прийти на урок, не сделав домашнего задания.

Моя сестра Ленка делала только то, что ей нравилось. Она садилась заниматься, клала на стол учебник, а на колени интересную книгу. Могла сидеть не двигаясь по три-четыре часа. Мама думала, что Ленка грызет гранит науки, а она просто читала «Сестру Керри». В результате Ленка получала двойку в четверти. Мама бежала в школу, двойку меняли на тройку. Считалось, что Ленка «не тянет». Но Ленка не была глупее других. Просто она научилась перекладывать свои проблемы на чужие плечи. И у нее это хорошо получалось. Мама бежит, учителя машут руками, общий переполох. А Ленка стоит рядом с сонным выражением лица и точно знает: все обойдется. Поставят тройку, и переведут в другой класс, и выдадут аттестат зрелости. И при этом не надо уродоваться, зубрить, запоминать то, что никогда потом не пригодится, типа « a плюс b в квадрате равно a квадрат плюс два ab , плюс b квадрат...».

Нонна училась с блеском. Тетя Тося тихо торжествовала.

Иногда она изрекала в никуда: «Из картошки ананаса не вырастет...» Получалось, что наша мама – картошка, а тетя Тося – ананас.

Соперничество между мамой и тетей Тосей было скрытым, но постоянным, как субфебрильная температура.

Мы жили лучше, потому что мама больше крутилась. Она работала в ателье и брала работу на дом, имела частные заказы. Сколько я ее помню, она всегда сидела у окна, опустив голову, с высокой холкой, как медведица. И ее рука ходила вслед за иглой, вернее, иглолка вслед за рукой.

Однажды я проснулась в шесть утра, мать уже сидела у окна, делая свои челночные движения рукой. Она жила, не разгибая спины, не поднимая головы, изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год...

А тетя Тося просто шла на свою малооплачиваемую работу и просто возвращалась домой. Она не пыталась искать другое место, не искала дополнительного заработка. Тетя Тося кляла эту жизнь, но не боролась. Как идет так идет.

И результат давал себя знать. Мы ели сытнее, одевались более добротно. Иногда мама делала внушительные покупки: телевизор с линзой например. Тетю Тосю это царапало. Она поносила маму за глаза, называя кулачкой и хабалкой. Соседи доносили маме. Происходило короткое замыкание, и вспыхивал пожар большого скандала. И выдеранные волосы – желтые мамины и темно-русые тети-Тосины – летели плавно по всему коридору.

Соседи не вмешивались. Они знали, что летняя гроза про шумит и к вечеру выглянет промытое солнышко. И просветлевшие соседки будут пить крепленое вино. И в самом деле: что им делить? У них была общая участь послевоенных женщин. Молодая жизнь уходила, как дым, в трубу.

В двенадцать лет я заболела ревмокардитом и по несколько месяцев лежала в больнице. В результате я полюбила медицину и мечтала стать врачом.

Ленка не мечтала ни о чем. Жила себе и жила, как собака дворняга. Хотя у собак всегда есть идея: любовь и преданность своему хозяину. Значит, Ленка – не собака. Другой зверь. Может быть, медведь – спокойный и сильный с длительной зимней спячкой.

Нонна мечтала только об одном – быть артисткой. Ее манило перевоплощение, возможность прожить много жизней внутри одной жизни; изысканно развратная дама с камелиями, ни в чем не повинная Дездемона, идейная Любовь Яровая и так далее – нескончаемый ряд. Невидимый талант стучался в ней, как ребенок во чреве. Но больше всего она хотела сменить среду обитания. Туда, где отдельные квартиры, яркие чувства, возвышенные разговоры. Туда, где слава, любовь и богатство. И благородство. Ну кто же этого не хочет?

Нонна самостоятельно нарыла какой-то драматический кружок и ездила туда на трамвае. А к вечеру возвращалась. Ее провожал намертво влюбленный черноволосый мальчик

Андрюша.

Помню картинку, которая впечаталась в мою память: Нонна приближается к дому, ей в лицо дует сильный ветер, оттягивает волосы. Платье подробно облепляет ее тело – бедра, ноги и устье, где ноги сливаются, как две реки. Ничего лишнего, только симметрия, законченность и изящество. Маленький шедевр. Устье – как точка. Создатель поставил точку.

Нонна шла и шурилась от ветра. Ее ресницы дрожали.

Андрюша – пригожий и грустный. Он как будто предчувствует, что Нонна скоро улетит. У нее другие горизонты. Ей нечего делать в этом заводском районе, среди простых и недалеких людей. Она – ананас и должна расцветать среди ананасов – изысканных и благоуханных.

Нонна получила аттестат зрелости, уехала в Москву и поступила в театральное училище. Она сразу и резко оторвалась от нас, как журавль от курицы. Журавль – в облаках, а курица только и может, что подпрыгнуть и долететь до забора.

Тетя Тося проговорилась, что в Нонну влюбился декан – профессор по фамилии Царенков.

Наша мама тихо плакала от зависти и от горького осознания: одним все, а другим ничего. Почему такая несправедливость?

Я была искренне рада за Нонну. Если ей выпало такое

счастье, значит, оно существует в природе. Счастье – это не миф, а реальность. А реальность доступна каждому, и мне в том числе.

Ленка не обнаружила ни радости, ни зависти. Ей было все равно.

Ленка поступила в педагогический институт, я собиралась в медицинский. Мы готовились пополнять ряды советской интеллигенции.

У меня было одновременно два кавалера. Один – Гарик, веселый и страшнющий, готовый на все. Другой – красивый, но ускользающий, не идущий в руки. Его мама говорила: «Она затаскает тебя по коммиссионным. А тебе надо писать диссертацию...»

Ленкина личная жизнь стояла на месте. У нее было по-прежнему сонное выражение лица, никакой заинтересованности. Любовь шла мимо нее, не заглядывая в Ленкину гавань.

Мой первый кавалер Гарик постоянно приходил в наш дом. Не заставлял меня и садился ждать. Ленка его развлекала как умела, показывала альбом со своими рисунками. Ее рисунки были однотипны: испанский идалго с высоким трубчатым воротником, в большой шляпе и с усами. Лена рисовала только карандашом и только испанцев. Откуда эта фантазия? Я предполагаю, что в одной из прошлых жизней она была одним из них, жила в Испании, и генетическая память подсовывала эти образы.

Мой первый кавалер Гарик оказался настойчивым. Все ходил и ходил. А меня все не было и не было. И вот однажды я заявила домой в полночь, распахнула дверь в комнату. Ленка и Гарик разлетелись в разные стороны дивана. «Целовались», — поняла я. Ну и пусть.

Потом нас обокрали. Какая-то пара попросилась переночевать. Они представились как знакомые знакомых. Простодушная мама, ничего не подозревая, пустила людей на одну ночь. Утром мама уехала на работу. Мы разбрелись по институтам.

А сладкая парочка все упаковала и вывезла.

Вечером пришли оперативники и увидели на подоконнике маленький топорик. Они показали его маме. Топорик предназначался мне или Ленке, если бы мы вернулись не вовремя.

Мама поняла, что легко отделалась, и обрадовалась. Однако все, что было нажито: пальто, зимние и осенние, обувь, постельное белье... Сколько карманов надо вышить, сколько сидеть, сгорбившись, чтобы восстановить утраченное.

Мама плакала, но недолго. Моя мама, как кошка, могла упасть с любой высоты и приземлиться на все четыре лапы.

Каким-то образом она сосредоточилась, сгруппировалась, выпросила на работе пособие и сшила нам новые пальто. Ленке фиолетовое. Мне — цвета морской волны. Ленкино пальто прямого покроя шло мне больше, чем мое, расклевашенное. Я шантажировала сестру. Я говорила:

— Дай мне надеть твоё пальто, иначе я пойду с Гариком на свидание.

Ленка уходила, через минуту возвращалась, неся драгоценное пальто на руке, кидала им в меня и говорила:

— Бери, сволочь...

Я наряжалась и уходила. Действительно сволочь...

В ту пору я постоянно смотрела на свое отражение в зеркале нашего шкафа. Я постоянно ходила с вывернутой шеей и не могла отвести от себя глаз. Я и сейчас помню себя, отраженную в зеркале в югославской кофте и маленькой бархатной шляпке. Цветущая юность, наивность и ожидание любви.

Любовь тем временем полыхала в Ленкиной душе. Она так же разговаривала, как Гарик, так же поворачивала голову. Она в него перевоплощалась. Это называется «идентификация Я». Ленкино «Я» и Гарика слилось в одно общее «Я».

Он входил в наш дом, и дом тут же наполнялся радостью. Гарик воспринимал жизнь как праздник, карнавал и сам был участником карнавала и заставлял веселиться всех вокруг. Я забыла сказать: он был не только страшнющий, он еще был талантливый, умный, яркий начинающий ученый.

Почему я отдала его Ленке? Но, слава богу, отдала не в чужие руки, а родной сестре.

Однажды Гарик отрезал от своей рубашки две пуговицы, потом разжевал немножко хлеба и, как на клей, налепил пу-

говицы на глаза гипсового Ломоносова. Этот Ломоносов стоял у нас в виде украшения.

Гарик ничего не сказал и ушел. А вечером мы увидели. Я помню радостное изумление, которое обдало нас как теплым ветром. Ленка смеялась. И мама смеялась. В ее жизни было так мало веселых сюрпризов...

Я навсегда запомнила эту минуту, хотя что там особенно-го...

Гарик был творческий парень. Он помог сочинить мне мой самый первый рассказ. Мы просто сидели болтали, и он выстроил мне схему, конструкцию, сюжет. Писала я, конечно, сама, одна. Но без четкой конструкции все бы рассыпалось.

Нижняя челюсть Гарика немножко выдавалась вперед. В народе это называлось «собачий прикус». Вот, оказывается, в чем дело... Челюсть меня не устраивала. А Ленка не замечала собачьего прикуса.

Вернее, замечала, но со знаком плюс. Гарик казался ей законченным красавцем. У него были глубокие умные бархатные глаза с искорками смеха. И выражение лица такое, будто он что-то знает, да не скажет. И, глядя на него, я всегда что-то ждала. Ждала, что он хлопнет в ладоши, крикнет «Ап!» – и все затанцуют и запрыгают, как дети. По поводу чего? А это совершенно не важно. Просто выплескивается радость жизни. Причина – жизнь.

Ленка вышла за Гарика замуж.

Я помню, как наутро после свадьбы Ленка поставила перед ним яичницу из трех яиц. На желтках – белые точки. Оказывается, она перепутала соль с сахаром и посахарила яичницу, что противоестественно. Гарик ничего не сказал. Не сделал замечания. Задумчиво ел сладкую яичницу. Гадость, между прочим...

Царенков сделал Нонне предложение.

Тетя Тося ликовала. Нонна официально перешла в сословие ананасов, притом что мы оставались картошкой.

Царенков, по кличке Царь, принадлежал к творческой элите. А Гарик просто инженер. Этих инженеров – как собак. Палкой кинешь, в инженера попадешь.

В моей маме замесились зависть и радость. Зависть – понятно, ничто так не огорчает, как успех подруги. А радость – тоже понятно. Все-таки мама любила тетю Тосю. Было очевидно, что Нонна окрепнет материально и сможет помочь своей матери. И почему бы тете Тосе не отдохнуть на склоне лет.

Предстояла свадьба. Царю пришлось развестись, что не просто. Он оставил жену и десятилетнюю дочь и ушел на зов любви. Однако любовь – это нечто виртуальное, а дочь – физическое лицо с руками, ногами, и прозрачными слезами, и постоянными вопросами. У Царя был тяжелый период, за-

мешанный на счастье и несчастье. Он строил свое счастье на несчастье близких и дорогих людей. Но по-другому не бывает.

Тетя Тося прикатила на свадьбу.

Царь ей не понравился. Во-первых, старый, старше на двадцать лет. Папашка. Упитанный зад, как у бабы. Все волосы назад, как у Сталина.

Царь был красив в стиле того времени. Тогда все мужчины носили волосы назад, были упитанные, холеные. Что касается зада – какой есть.

Царь разговаривал красивым поставленным баритоном и, как показалось тете Тосе, знал очень много слов. Зачем столько? Слова сыпались из него, как из дырявого ведра. Надо было все переварить. У тети Тоси болела голова. А Нонна понимала каждое слово, задыхалась от восторга и смотрела на Царя светящимися глазами.

Речевое окружение ее детства было убогое, приблизительное, как блеяние овец. А тут – целый симфонический оркестр, гармония и высокая мысль. «За что мне такое счастье?» – не верила Нонна.

Царь в свою очередь смотрел на Нонну – хрупкую, как ландыш, доверчивую, как дитя, – и думал: «Неужели это правда?» К нему явилась девушка из низов, мисс Дулиттл, не знающая своих возможностей, неограниченный бриллиант, похожий на пыльную стекляшку. Царь возьмет этот бриллиант, отчистит, сделает огранку, и драгоценный камень заго-

рится и засверкает всеми огнями. И все только ахнут...

Но у Пигмалиона не было тещи. А у Царенкова – была.

Тетя Тося приглядывалась к будущему зятю своими прищуренными глазами. Что-то ее настораживало. Она решила проверить свои подозрения.

Для этого тетя Тося взяла телефонную книжку Царенкова, нашла телефон его предыдущей жены. Позвонила и назначила встречу.

Тете Тосе хотелось знать правду: в какие руки попадает ее любимая и единственная дочь. А такие мелочи, как беспардонное внедрение в личную жизнь, – это оттенки.

Прошлую жену звали Вита. Вита согласилась прийти.

Разговор состоялся в метро, на станции «Маяковская». Возле одной из колонн. Вита смотрела на тетю Тосю и видела, что баба совсем простая, с шестимесячной завивкой. Значит, дочка не принцесса Уэльская. Ну да ладно...

А тетя Тося видела, что прошлая жена вся крашенная-перекрашенная, яркая и броская, однако рядом с Нонной ей нечего делать. Вита – моложавая, а Нонна – молодая.

– Что вас интересует? – спросила Вита, хотя прекрасно понимала, что именно интересует новую тещу.

– Характеристика, – сказала тетя Тося.

Она была дитя своего времени и знала, что при поступлении на работу нужна характеристика.

– Он бабник и болтун, – коротко сказала Вита.

Тетя Тося даже вздрогнула. Она именно это и подозрева-

ла. Ее подозрения подтвердились. Что значит интуиция...

— Есть выражение «Пусти козла в огород...», — продолжила Вита. — Его огород — это его студентки. В артистки идут самые красивые. Так что ему и искать не надо. Все под рукой и всегда готовы. Как пионерки.

— Моя дочь не пионерка, — заступилась тетя Тося.

— Значит, просто очередная жертва. Я вам очень сочувствую и ей тоже.

— А вы артистка? — спросила тетя Тося.

— Это не важно, — не ответила Вита.

— Но может быть, он станет другой... Все-таки у них любовь.

— Он не изменится. В сорок лет люди не меняются. Извините, что я вам это говорю. Но я не хочу притворяться.

Они посмотрели друг на друга.

— А как же вы теперь? — сочувственно спросила тетя Тося.

— В каком смысле? — не поняла Вита.

— Одна... Я знаю, что это такое.

— Я была одна. С ним, — жестко возразила Вита. — Надо было выгнать его пять лет назад. Я жалею, что не сделала этого раньше.

— А если бы вы его не выгнали, он бы не ушел? — уточнила тетя Тося.

— Зачем ему уходить? Все так бы и продолжалось. Ему так удобно.

Тетя Тося моргала глазами. С одной стороны, хорошо,

что выгнала. Ее дочь теперь официально выйдет замуж. А с другой стороны, Вита отгрузила неудобного мужа, спихнула Нонне лежалый товар.

К Вите приблизился высокий носатый мужик.

– Сейчас, – сказала ему Вита.

«Любовник, – догадалась тетя Тося. – Во живут...»

В тети-Тосиной жизни так давно не было ничего личного. Иначе бы она тут не стояла, не путалась бы под ногами у дочери.

– До свидания, – попрощалась Вита. – Желаю вам всего хорошего...

Тетя Тося мелко закивала, потупившись. Что может быть хорошего с козлом в огороде?

Домой она вернулась убитая.

– Он бабник и болтун, – заявила тетя Тося с порога. – Мне его жена сказала.

– Ты что, встречалась с его женой? – с ужасом спросила Нонна. – Зачем?

– Захотела и встретилась. А что, нельзя?

Нонна заплакала. Ее острые плечики тряслись. Тете Тосе стало жалко свою страдающую птичку. Но ведь и она тоже страдала по-матерински, и ее никто не жалел. Она подошла и обняла Нонну.

– Не плачь. Ты не одна. Я есть у тебя...

– Да при чем тут ты? – Нонна скинула ее руки. – Я люблю

своего мужа. А он любит меня. У нас все будет по-другому...

– Из картошки ананаса не вырастет, – упрямо напомнила тетя Тося.

– Зачем ты портишь мою жизнь? У нас счастье... Так нет, тебе обязательно надо подлить говнеца... Не можешь, чтобы все было хорошо...

– Так я за правду...

– А где она, правда? Ты знаешь?

– И ты не знаешь.

– Правда в том, что я его люблю. И все!

Раздался звонок в дверь. Это вернулся Царь. Он был радостный, благостный и голодный.

Нонна со всех ног кинулась обслуживать Царя. Подала ему закуску, первое и второе. Салатов было два: оливье и витаминный. На десерт – шарлотка и кисель из мороженой вишни. Царь ел с аппетитом. Тетя Тося с ужасом наблюдала: сколько он жрет. За один раз он поглощал дневной рацион взрослого человека. «Бойтся, что жопа похудеет», – думала тетя Тося. Она не понимала: почему в него влюбляются студентки? Что в нем такого? Лично ей он был почти противен: гладкий, обкатанный, скользкий, как камешек на морском берегу.

Было бы у тети Тоси трое детей, она бы воевала сейчас на другом фронте. А так приходится уйти в запас. А еще столько сил и желаний...

Нонна живо помнила свое детство, коммуналку, сканда-

лы, когда низменные страсти, как вонь от жареной корюшки, поднимались до потолка и наполняли ее жизнь. Как она рвалась оттуда к другим берегам. И вот она ступила на новый берег. И что же? Тетя Тося догнала ее, настигла и принесла с собой все то, от чего Нонна убегала. Значит, от этого никуда не деться?

– Ты когда обратно поедешь? – спросила Нонна.

– А что? – встрепенулась тетя Тося.

– Да ничего. Просто так. Надо же билет купить заранее...

– Свадьбу отыграем, и поедет, – распорядился Царь. – Я заказал ресторан на пятницу.

– Никаких ресторанов! – распорядилась тетя Тося. – Я сама все сделаю.

– Зачем вам уродоваться? – удивился Царь.

– У меня одна дочь. Можно и поуродоваться. Зато какая экономия средств...

– Но... – хотел возразить Царь.

– Не связывайся! – приказала Нонна.

– Ну ладно, – согласился Царь. – Как хотите...

Тетя Тося накрыла стол на сорок человек. Столы стояли сдвинутыми в двух маленьких смежных комнатах и занимали все пространство. Гости могли только сидеть, но они и не хотели ничего другого.

Столы ломились от яств. Здесь были золотые гуси с кисло-сладкой тушеной капустой, прозрачный холодец с кружками яиц и звездочками морковки, остро пахнущий чесно-

ком. Самодельная буженина, запеченная баранья нога, темно-коричневая от специй. Паштеты – селедочный и печеночный. Пироги с мясом и капустой. Торт «Наполеон», который не надо было жевать. Он сам растворялся во рту.

Каждое блюдо было сложнопостановочным, требовало времени, усилий и таланта.

Тетя Тося все делала сама, никого не подпускала. Но когда дело было сделано – она потребовала внимания. Уселась в самом центре застолья, говорила тосты, всех перебивала и напилась довольно быстро.

В какую-то минуту у нее перехватили инициативу. Столом завладел театральный критик Понаровский. К нему подключился актер Чиквадзе и с мастерством опытного тамады повел стол, как корабль, разворачивая руль в нужном направлении.

Тетя Тося обиделась, ушла на кухню и стала плакать. Сначала она плакала тихо, потом вспомнила всю свою безрадостную жизнь и прибавила звук. Далее она вспомнила свой разговор с Витой и завывала в полную силу легких. Гости с испуганными лицами стали появляться на кухне.

Нонна приблизилась к тете Тосе и спросила:
– Что случилось?

Но она уже знала, что случалось. Ее мама совершила героический поступок, создала гастрономические шедевры, сэкономила кучу денег, устала, как бурлак. И теперь требовала адекватного вознаграждения: все должны были валять-

ся у нее в ногах и целовать эти ноги. Или хотя бы сказать отдельное витиеватое «спасибо». А никто ничего не говорил, как будто так и должно быть. Сели, пожрали – и уйдут, оставив гору грязной посуды. А кто будет мыть?

– Я так и знала, – мрачно сказала Нонна. – Сначала будешь надрываться, а потом выдрючиваться.

И это единственные слова, которые она нашла для матери. Нонну устроило бы, если бы ее мать была глухонемая. Все делала и молчала.

В кухню вошел Царь. Обнял тещу за плечи.

– Не расстраивайтесь, – сказал он. – Я понимаю, что трудно расставаться. Но когда-то это происходит с каждым. Ребенок вырастает и вылетает из гнезда. Закон жизни...

Царь еще не вник в особенности характера новой тещи и рассуждал философски, со своей колокольни.

Тетю Тосю уложили спать у соседей. Свадьба продолжалась.

Нонна верила и не верила. Неужели это правда? Неужели она – девчонка с рабочей окраины – жена великого маэстро и сама – будущая звезда? А впереди – длинная жизнь об руку с любимым и единственным. Только он. Только она. Вместе и навсегда. Как Орлова и Александров. А прошлое, вместе с людьми, потонет в пучине памяти, как корабль в пучине волн. И в эту пучину попадали я, и Ленка, и наша мама, и вся коммуналка с соседями, и дядя Федор – ее дядька, и прочие родственники. Все без исключения.

Нонна начинала новую жизнь, входила в новое пространство и вытирала у порога ноги, снимая грязь с подошв.

В нашем доме тоже происходили события. Лена ходила беременная. Гарик, будущий папаша, все время радовался жизни. Ему нравилось все: и хорошая погода и плохая, и наличие денег и отсутствие. Он всегда находил повод чему-то обрадоваться. У него была манера: он смеялся, как будто немножко давился. Так он и стоит у меня перед глазами, давящийся от смеха. И только иногда он становился суровым, когда смотрел на фотокарточку своего отца. Крупный, красивый, со светлым лицом, отец смотрел перед собой спокойным взором.

Гарик скупно поведал, что в 37-м году отца посадили и в тюрьме пытали. Он знал как: ему раздавили яйца. Потом отдали домой умирать. Ночью на носилках его тащили на пятый этаж без лифта.

– А за что? – наивно спросила я.

– Он как специалист ездил в Германию, – ответил Гарик.

– И что? – не поняла я.

– Посадили как шпиона.

– А он по собственной инициативе ездил в эту Германию?

– Почему? Его послали по работе.

– Тогда почему посадили?

Я не понимала особенностей нашей страны и ее истории. Не понимать – в этом было наше спасение. Потому что

если понять – во весь рост встанет победа Дьявола, победа ЗЛА над здравым смыслом.

Мую семью не коснулись репрессии. Мои родители были слишком маленькие сошки. Их просто не заметили.

Я не обращала внимания на победу ЗЛА. Я, конечно, слышала: где-то, у кого-то... Но меня это не касалось. Я жила легко. Училась в музыкальном училище и крутила одновременно два романа.

Мой главный роман буксовал, как тяжелый грузовик. Колеса проворачивались, а с места не сдвигались. Его мама была против, а он не хотел огорчать маму. Он был мамсик. Но меня он любил всей силой своей неокрепшей души.

Мне надоело. Я вышла замуж за мальчика из Москвы. Вся история заняла неделю. Амур выпустил стрелу. Несколько дней я бегала, схватившись за сердце. И загс. Запись актов гражданского состояния.

Я заметила, что когда складывается – складывается сразу. Или не складывается никогда. Если колеса буксуют – не жди. Иди в другую сторону. Значит, небо не хочет.

Я переехала в Москву. Моя мамочка тоже приехала в Москву на свадьбу. И тоже накрыла стол. Правда, ресторанов никто не предлагал. Все делалось своими силами. Те же гуси, тот же наполеон. И похожие смежные комнаты по четырнадцать метров. Вернее, одна, разделенная перегородкой пополам.

Родители моего мужа – комсомолцы тридцатых годов.

Чистые люди, одураченные идеологией. Как слепые шли за поводырем. Замечено, что историей правят злодеи. И в личной жизни тоже выигрывают сволочи. Наверное, у сволочей и злодеев более сильный мотор.

Я запомнила, что во время свадьбы отец мужа, мой свекор, сидел на стуле перед магнитофоном и громко пел вместе с Трошиным «Подмосковные вечера». Трошин на магнитофонной ленте, а свекор – вживую.

Моя мамочка тихонько сидела на свадьбе и не высовывалась. Она осознавала, что попала в профессорскую семью и должна знать свое место. «Унижение – паче гордости».

Унижение – это тоже гордость на самом деле.

Для того чтобы сделать достойный подарок жениху, моя бедная мамочка спорола со своего зимнего пальто норковый воротник. И продала кому-то из соседей. Этих денег хватило на позолоченные запонки.

Пальто без воротника выглядело сиротливо, и мама связала воротник крючком из толстой шерсти. Вязаный воротник унижал пальто, но мама беспечно сказала:

– Какая разница... Все равно никто не смотрит. Раньше наденешь любую тряпку, все оборачиваются. А сейчас посмотрят и подумают: «Аккуратненькая старушка...»

Это выражение запомнилось.

...Сейчас, примеряя очередную обновку, я смотрю на себя в зеркало. Старости нет. Но и сверкания юности тоже нет. Я мысленно говорю себе: совсем не плохо, аккуратненькая

старушка...

Свадьба прошла весело и благостно. Свекровь напилась и громко хохотала. Под конец друг моего мужа заснул в уборной, и туда никто не мог попасть. Кажется, ломали дверь.

Мамсика я встретила через год в московском метро. Я даже не поверила своим глазам. Что он тут делает?

Он увидел меня, подлетел и с ходу стал рассказывать: зачем он в Москве. Он искал правду в вышестоящих инстанциях. В чем состояла эта правда, я не вникала.

На его верхней губе искрились капельки пота. Он волновался, ему было очень важно рассказать.

Подошел мой поезд, и я, не попрощавшись, шмыгнула в вагон. Я торопилась.

Поезд тронулся. Моя первая любовь ошарашенно провожала глазами бегущие вагоны. Я продемонстрировала полное равнодушие, невнимание и даже хамство. Но я ничего не демонстрировала. Я торопилась. У меня была своя жизнь. И все, что связано с этим человеком, перестало быть интересным.

Ужас! Куда уходит вещество любви? А ведь была любовь, и какая... Всеобъемлющая. Одухотворенная. И где она?

Наверное, все имеет свой конец. Даже жизнь. А тем более чувство...

У нас с мужем нет жилья. Мы снимаем комнату в двухэтажном доме возле Белорусского вокзала. Вокруг много таких домов барачного типа.

Живем вместе с хозяйкой, вдовой-генеральшей. Я подзреваю, ее муж был не выше капитана, иначе у них было бы другое жилье. Но ей хочется называть себя генеральшей, а мне все равно.

Она почти лысая. Череп просвечивает сквозь легкие светлые волосы. Зубы – пародонтозные, вылезшие из своих гнезд, цвета старой кости.

Фигура – вся в кучу, сиськи у колен, жопа на спине.

Я смотрю на нее с брезгливым ужасом: неужели не стыдно существовать в таком виде? Это даже невежливо. Неуважение к окружающим. Но я молчу.

Старики бывают красивыми, но это редко. Природа не заботится о человеке. Он нужен природе до тех пор, пока репродуцирует, то есть рождает. А потом природа отодвигает его рукой и говорит: «Пошел на фиг». И старик идет на фиг, трудно передвигаясь на своих изношенных суставах, со своими ржавыми сосудами, увядшим ртом, стянутым, как кисет.

Я смотрю на старую генеральшу и думаю: со мной это случится не скоро. Или не случится никогда. Люди что-нибудь придумают, прервут фактор старения, и я навсегда останусь такой, как сейчас: бездна энергии, легкое тело, новенькая кожа, манящее излучение...

Вместе с нами живет собака овчарка. Это собака старухи – злобная, строгая зверюга. Она обожает моего мужа. Она признала в нем хозяина. И если мой муж ходит по комнате из угла в угол, собака следует за ним след в след.

Меня она презирает. Я для нее что-то вроде кошки, которую можно не учитывать, а желательно порвать. Я слышу неприязнь собаки и боюсь ее.

Я веду хор в общеобразовательной школе. Дети меня не слушаются. В грош не ставят. Как говорит одна знакомая: «Ты не умеешь себя поставить». И это правда.

И сейчас, будучи раскрученным писателем, которого читают даже в Китае, я по-прежнему не умею себя поставить. Меня ценят только те, кто меня не знает. Читатели домысливают мой образ. А близкие не ставят ни в грош. Наверное, это какой-то дефект воли.

На моих занятиях творится черт знает что. Я возвращаюсь домой удрученная. Мой синеглазый муж встречает меня на автобусной остановке. Он смотрит мне в лицо и все понимает. Он говорит:

– Не обращай внимания, я у тебя есть, и все...

И это правда. Он у меня есть. Но этого мало. Надо, чтобы я тоже была у себя. А меня у меня нет.

Это была эпоха перед Большим взрывом. Существует гипотеза возникновения Вселенной в результате Большого взрыва. Взрыв – и сразу возникло все: и Земля, и жизнь, и космос, и Бог.

По этой схеме выстроилась и моя жизнь. Публикация первого рассказа – и сразу все. Меня приняли в Союз писателей, кинематографистов, выпустили книгу, заказали фильм, выдали славу и деньги, а главное – меня саму. Мне предоставили меня.

Когда что-то складывается, складывается сразу. Или никогда...

Мы с мужем идем в театр. Я помыла голову непосредственно перед спектаклем. И тут же похорошела. Я удивительно хорошою после мытья головы. Кожа на лице становится нежная и прозрачная, как у японки. Прическа – бабетта, под Брижит Бардо. Тогда все так носили.

Позже появится прическа «Колдунья», под Марину Влади. Прямые белые волосы и челка.

Ни одна наша отечественная актриса не оказала такого влияния на моду, как Брижит Бардо.

Она сочетала в себе детскую незащищенность и рафинированный разврат. Испорченное дитя. Именно тот образ, который сотрясает мужские сердца. А Марина Влади звала за собой на подвиг и преступление. Любой мужчина готов был все бросить и пойти за ней босиком по снегу. Включалось бессознательное.

Наши актрисы были не менее красивы, но за ними стояло словосочетание «положительный образ». А это убивало бессознательное.

Итак, я начесала бабетту, и мы с мужем отправились в театр.

Атмосфера театра в те времена была другой, чем сегодня. Раньше в театр наряжались, брали с собой сменную обувь. Ходили людей посмотреть и себя показать. Себя показать в лучшем виде – это обязательно. Во время антрактов чинно прогуливались.

Сегодня в театр никто не наряжается. Приходят глотнуть духовности. И если вдруг появится девица в декольте и на каблуках, то воспринимается как дура. Зимой, в декольте...

Мы с мужем, принаряженные, прогуливались в фойе по кругу, и вдруг я увидела Нонну. Она шла целеустремленно, деловым шагом, – хозяйка театра. Может быть, она направлялась за кулисы.

Увидев подругу детства, я метнулась в ее сторону, чтобы внезапно возникнуть, удивить, завизжать от радости и крепко обняться.

Я почти добежала и вдруг резко затормозила. Нонна увидела меня, узнала и протянула руку лодочкой – дескать, «Здравствуй». Она определила дистанцию в полметра, на расстояние вытянутой руки, и мне ничего не осталось, как пожать ее протянутые пальцы.

Я наткнулась на ее официальное лицо, холодный кивок. Дескать: помню, помню, но не более того.

Я хотела что-то спросить, но все вопросы вылетели из головы. У меня было чувство, будто мне плюнули в рожу. В об-

щем, так оно и было. Нонна плюнула в наше детство, в наши игры и юные мечты. Она все перечеркнула и похерила! Похерить – это значит перечеркнуть страницу крест-накрест.

Я вернулась в зал на свое место. Мой муж не понимал: отчего у меня вдруг испортилось настроение, в чем он виноват?

А он был виноват в том, что он не профессор, не народный, не заслуженный и не козырный туз. Просто карта в колоде, один из многих.

Он был, конечно, честен, порядочен, хорош собой, умел держать свое слово, красиво ел, красиво любил, свободно ориентировался в профессии. От него всегда хорошо пахло, и рядом с ним я была спокойна и счастлива.

Тогда мне казалось, что это не достоинства. Достоинство – это публичность. Чтобы все узнавали и замирали в восторге. А когда муж никто и я – никто, то мы как песчинки устремляемся в потоке времени и летим в НИКУДА. Время нас смывает, не оставив следа. Тогда зачем ВСЕ?

Спектакль шел себе. Кажется, это была пьеса Горького «На дне». Замечательный текст. Горький – великий драматург. Напрасно вернулся с Капри. Там было весело, тепло и безопасно.

Я сидела, поникшая, поскольку я была безликая песчинка, просто листочек на дереве, один среди многих.

Потом со временем понимаешь: как хорошо быть листочком на хорошем дереве, шелестеть среди себе подобных.

Жизнь шире, чем театр и чем литература. А публичность – не что иное, как суета сует.

А шелестеть под небом, быть среди других и при этом – сам по себе, ни от кого не зависим, – вот оно, подлинное счастье.

Но это я понимаю теперь.

Тетя Тося скучала без своей Нонны и постоянно наезжала в Москву. Моя мамочка попросила ее однажды передать для меня платье.

Тетя Тося согласилась. Приехав в Москву, она позвонила мне и сообщила свой адрес. Я поехала за платьем.

Я долго искала этот Лялин переулок и наконец нашла. Я поднималась по мрачной лестнице. Звонила три звонка.

Дверь открыла тетя Тося и провела меня в свои апартаменты.

Царенкову и Нонне принадлежали две смежные комнаты в малонаселенной коммуналке.

Я ступила на порог и ослепла от роскоши. Две собственные комнаты: спальня и гостиная. Ни тебе старух, ни собак. Чистота и уют, статуэтки – фарфоровые дамы и кавалеры в фарфоровых кружевах. В спальне – широкая кровать, а над ней портрет Нонны, где она с голыми плечами, взгляд из-под бровей...

Тетя Тося вручила мне платье. Я его тут же надела. Это было немецкое платье – красное, в черную клетку. Юбка ши-

рокая, под жесткий пояс. Верх узкий, застегнутый на крупные пуговицы, обтянутые этим же материалом.

Тетя Тося посмотрела и сказала:

– Влитое, как на тебя.

А Нонна даже не посмотрела. Она куда-то собиралась, и тетя Тося что-то подшивала прямо на ней. Тетя Тося поворачивала свою дочку за талию. Нонна вертелась под ее руками. Я стояла и слышала, как тетя Тося ее любит. Эта любовь поднималась над ними горячей волной, как восходящий поток. И Нонна могла бы воспарить под потолок, раскинув руки. И не упала бы. Так и парила.

А я стояла и смотрела на них в глубокой тоске – одинокая и сиротливая, хоть и в новом платье. Мамино платье – это тоже часть ее любви и заботы. Но что такое мое платье рядом с достижениями Нонны.

Царенкова не было дома, но он незримо присутствовал. Нонна хлопотала над своей красотой для своего Царя, а челядь (тетя Тося) преданно служила и ползала у ее ног, выравнивая подол юбки.

Я вернулась домой и легла. К вечеру у меня поднялась температура до 39 градусов. При этом я не была простужена. У меня не было вируса. Ничего не болело.

Вызвали врача. Он ничего не нашел. Никто не мог понять, кроме меня. Я поняла. Это зависть. Организм реагировал на стресс, вызванный острой завистью.

Ночью я проснулась совершенно здоровой. На потолке ви-

села паутина. По ней шел паук, доделывал свою работу. Я не боюсь пауков, они милые и изящные, талантливо придуманные. Я смотрела на паука и мысленно поклялась: у меня тоже будет своя комната в коммуналке. И даже две. Об отдельной квартире я не смела мечтать. Это слишком. Надо ставить реальные задачи, итак, две комнаты в коммуналке, собственная собака, которая будет считать меня хозяйкой. А еще я брошу свою общеобразовательную школу и уйду навстречу всем ветрам. Навстречу славе... Я, как чеховская Нина Заречная, бредила о славе и готова была заплатить за нее любую цену.

Возле моего дома в десяти минутах ходьбы стоял Литературный институт. Это было старое красивое здание со своей историей. Меня туда пускали. Почему? Непонятно.

Я ходила на семинар Льва Кассиля. Он разрешал мне присутствовать. Я садилась в уголок и слушала.

Это был семинар прозы. Студенты обсуждали рассказы друг друга. Кто-то один читал рассказ, на это уходило двадцать минут. А остальные двадцать пять минут тратились на обсуждение. Каждый высказывал свое мнение.

Мне казалось, что автор рассказа по окончании обсуждения должен достать револьвер и застрелиться. Или перестрелять обидчиков. Но нет...

Обсуждение заканчивалось, и все тут же о нем забывали, как будто переключали кнопку на другую программу.

Однажды я попросила разрешения прочитать свой рассказ. Мне разрешили. Рассказ назывался «Про гусей». О том, как гусенок случайно выбрался из своего загона и попал в большой мир.

Слушали терпеливо. В конце все молчали. Стояла насыщенная тишина. Лев Кассиль сказал:

– Что-то есть...

Все согласились. Чего-то не хватает, но что-то есть. И то, что ЕСТЬ, гораздо перевешивает то, чего не хватает.

Я шла по литературе на ощупь. Искала себя. «А кто ищет, тот всегда найдет», – так пелось в песне. А еще там пелось: «Кто хочет, тот добьется».

Какой был бы ужас, если бы я не принесла клятву пауку и навсегда осталась преподавателем хора: сопрано, альты, басы, терции, кварты, квинты, чистый унисон! Боже мой, неужели это кому-то может нравиться...

Царенков ставил со студентами «Чайку», и его интересовал Чехов как человек. Он высаживался перед аудиторией, помещал ногу на ногу и начинал размышлять вслух: – Чехов по повышенной требовательности к себе напоминал англичанина. Но это не мешало ему быть насквозь русским, и даже более русским, чем большинство русских. Большинство – неряхи, лентяи, кисляи и воображают даже, что это-то и есть наша национальная черта. А это – суший вздор. В неряшестве расплзается всякий стиль. «Авось» и «как-

нибудь» – это значит отсутствие всякой физиономии. Повышенная же требовательность есть повышенная индивидуальность. Чехов – прообраз будущего русского человека. Вот какими будут русские, когда они окончательно сделаются европейцами... Не утрачивая милой легкости славянской души, они доведут ее до изящества. Не потеряв добродушия и юмора, они сбросят только цинизм. Не расставаясь со своей природой, они только очистят ее. Русский европеец – я его представляю себе существом трезвым, воспитанным, изящным, добрым и в то же время много и превосходно работающим...

– Как вы, – вставила красивая Маргошка Черникова.

– А что? – Царенков не понял: это поддержка или насмешка?

– Ничего, – ответила Марго. – У нас что, мало воспитанных и талантливых?

– Мало, – заметил Царенков. – Если талант, то обязательно пьющий. Русскому характеру нужно пространство во все стороны. И в сторону подвига, и в сторону безобразий. Водка раздвигает границы пространства, делает их безграничными.

Ему хотелось домой. Он скучал по своей Нонне. И даже дома, сидя с ней рядом на диване, он скучал по ней. Какие-то тропы в ее душе и теле оставались непознанными.

Царенкову нравилось брать жену на руки и носить из угла

в угол. Нонна боялась, что он ее уронит, и крепко держалась за шею. Он чувствовал в руках ее живую теплую тяжесть. Приговаривал:

– Не бойся... Я тебя не уроню, и не брошу, и не потеряю...

– Боюсь... – шептала Нонна. – Уронишь, бросишь, потеряешь...

Это было лучшее время их жизни.

В Ленинграде все шло своим чередом. Гарик защитил кандидатскую диссертацию, мама накрывала стол. Ресторан отменили из экономии средств. Главная еда – холодец с хреном и рыба в томате. Рыба – треска. Все ели и пили, а потом пели и плясали.

Пьяный Гарик настойчиво ухаживал за Ленкиной школьной подругой Флорой. Ленка сидела беременная, с торчащим животом, насупившись. Ей было неудобно одергивать мужа при всех, а муж вел себя как последний прохвост, хоть и кандидат.

Моя мама смотрела-смотрела, да и вышибла Флору из дома. Мама вызвала ее в прихожую, вручила ей пальто и открыла входную дверь.

– А я при чем? – обиделась Флора. – Это он...

– А ты ни при чем, да?

Гарик обиделся за Флору и побежал за ней следом. Ленка громко зарыдала басом. Вечер был испорчен.

На другой день состоялось объяснение сторон.

Гарик спросил у тещи:

– Мамаша, что вы лезете не в свои дела?

– Моя дочь – это мои дела, – ответила мама.

– Ваша дочь выросла и сама уже мать. Не лезьте в нашу жизнь.

Ленка молчала. Она любила мужа и боялась мать.

– Делайте что хотите, – постановила мама. – Но не на моих глазах.

Через несколько дней Лена и Гарик переехали к его матери. Ленка оказалась в одном доме со свекровью.

У свекрови – голос однотонный, как гудок. И она гудела и гудела с утра до вечера. Текст был вполне нормальный, не глупый, но голос... Лена запиралась в ванной комнате и сидела там, глядя в стену.

А Флора испарилась, будто ее и не было.

Гарик был снова весел. Он любил жизнь саму по себе и не тратил времени на сомнения, на уныния и на плохое настроение.

Он купил Ленке шляпку, похожую на маленький церковный купол. Ему нравилась Ленка в шляпке, и он бубнил, потирая руки:

– «Корову сию не продам никому, такая скотина нужна самому...»

И все вокруг смеялись – не потому что фраза смешна, а потому что смех был заложен в самом Гарике. Он был носитель радости. С вкраплением свинства. Всякая палка имеет два конца. И если на одном конце – радость, то на другом –

горе. И так всегда. Или почти всегда.

Нонна окончила театральное училище. Ее пригласили сниматься в кино. Роль не главная, но вторая.

Впереди сияла блестящая карьера, однако произошла отсрочка. Нонна забеременела. Жизнь в корне менялась. Два года вылетали как птицы.

Встал вопрос о няньке. Страшно доверять беспомощное дитя чужому человеку. На первый план выплыла кандидатура тети Тоси. Кто ж еще?

Нонна задумалась. Замаячили дурные предчувствия. Но что может быть важнее ребенка?

Начался размен. И завершился размен. Тетя Тося получила комнату в двенадцать квадратных метров вместо своей двадцатиметровой. Потеря площади. Но ведь и Москва не Ленинград. Все-таки столица...

Тетя Тося переселилась в Лялин переулок.

В роддом она не поехала, было много дел по дому. Когда раздался звонок в дверь, она ринулась открывать. И на пороге встретила своего внука, имя было заготовлено заранее: Антошка.

У Царенкова это был второй ребенок. У Виты осталась тринадцатилетняя дочь. А у Нонны и тети Тоси – первый, и единственный, сын и внук. И они на пару сошли с ума от всеобъемлющего чувства.

Царенков отошел на второй план. Он уже воспринимался не как Царь, а как источник грязи и инфекции. Угроза для

Антошки.

Ему выделили отдельную ложку и кружку, как заразному больному, и заставляли принимать ванну по три раза в день.

Царенков подчинился, но вскоре утомился. Он, конечно, любил наследника, но еще больше он любил свою профессию, себя в профессии и профессию в себе. Короче, себя во всех вариантах.

Он любил садиться в кресло и громко разглагольствовать, положив ногу на ногу.

Последнее время его интересовала связь искусства с политикой.

– Когда Хрущев разрешил критику Сталина, возникла традиция: противопоставлять серого Сталина образованному Ленину, предпочитавшему не вмешиваться в сферы искусства. А все как раз наоборот.

– Разве? – удивлялась Нонна, сцеживая лишнее молоко. У нее болели соски, но она понимала, что мужу нужен собеседник.

– Сталин, будучи культурным неофитом, на всю жизнь сохранил уважение к высокой культуре и ее творцам. У Ленина же подобный пиетет отсутствовал наглухо.

Появлялась тетя Тося и говорила:

– Прибей полочку...

– Ленин писал Луначарскому: «Все театры советую положить в гроб». Он их терпеть не мог, не высиживал ни одного спектакля до конца. Опера и балет были для него помещи-

чьей культурой. Для Сталина же посещение опер и балетов было одним из главных жизненных удовольствий.

– Прибей полочку, пока ребенок не спит, – торопила тетя Тося.

– А вам не интересно то, что я говорю? – спрашивал Царенков.

Тете Тосе были неинтересны вожди, которые умерли. Ей важен был возрастающий внук. Вот кто настоящий царь.

– Если Антошка заснет, молотком не постучишь, – объясняла тетя Тося.

– Но я не умею вешать полочку.

– Ты просто забей гвоздь. Я сама повешу.

– Но я не умею забивать гвозди. Я их никогда не забивал.

– Да что тут уметь... Дал два раза молотком по шляпке, и все дела.

– Вот и дайте сами. Или позовите кого-нибудь, кто умеет...

– Какой же ты мужик? – удивлялась тетя Тося. – Языком звенишь, как в колокол, а гвоздя забить не можешь.

– Мама, – вмешивалась Нонна. – Лева – профессор. Зачем ему гвозди забивать?

Тетя Тося звала соседа, который за стакан водки забивал два гвоздя и вешал полочку.

– Ну что? – спрашивал Царенков. – Вышли из положения?

– А что бы с тобой случилось, если бы прибил?

Нонна выводила мать на лестничную площадку и сжимала

руки перед грудью.

– Мамочка, оставь Леву в покое. Он личность. Мы все должны его уважать.

– А я кто? – вопрошала тетя Тося. – Говно на лопате?

– Он работает. Он всех нас содержит.

– А я не работаю? Верчусь с утра до вечера как белка в колесе. И хоть бы кто «спасибо» сказал.

– Хочешь, уезжай на выходные к себе в комнату. Отдохни. И мы отдохнем.

Тетя Тося выдерживала паузу, глядя на дочь бессмысленным взором, а потом начинала громко рыдать, выкрикивая упрёки.

Из соседних квартир выглядывали соседи. Нонна готова была провалиться сквозь землю.

Выходил Царенков. Строго спрашивая:

– В чем дело?

Нонна торопливо уходила домой, бросив мать на лестнице. Царенков уходил следом за Нонной.

Им обоим не приходило в голову, что такие конфликты легко разрешаются лаской. Надо было просто обнять тетю Тосю за плечи и сказать теплые слова типа «труженица ты наша, пчелка полосатая...».

Тетя Тося трудилась как пчелка и жужжала и жалила как пчела. Но она созидала. И хотела поощрения своему труду, хотя бы словесного. Но Нонна была занята только мужем. Царенков – только собой. И бедной тете Тосе только и оста-

валось быть на лестнице, взывать к сочувствию.

Она и выла. Нонна говорила:

– Я пойду за ней.

Царенков запрещал.

– Пусть останется за дверью. Ей скоро надоест.

Он воспитывал тещу, как ребенка. А ее надо было просто любить.

Любить тетю Тосю было трудно.

Она часто звонила мне по утрам и делилась впечатлениями.

– Представляешь? Я вчера туалет полдня драила. А сегодня смотрю: в унитазе жирное пятно. Он что, в жопу свечи вставляет?

– Тетя Тося, – строго одергивала я. – Ну что вы такое говорите? Царенков – известная в Москве фигура. Жить рядом с выдающимся человеком и замечать только унитаз...

– Брось! – одергивала меня тетя Тося. – Вот у тебя муж... Мне бы такого зятя, был бы мне сыночек...

Мой муж был ей понятен. А Царенков – чужд.

– Я ему не верю, – жаловалась тетя Тося. – Он как фальшивый рубль. Вроде деньги, а ничего не купишь.

– Но ведь Нонна его любит, – выкидывала я основной козырь.

– Любит... Потому что дура.

– Не дура. Царенков – блестящий человек.

– Не все то золото, что блестит.

Тетя Тося не понимала: как можно любить Царенкова – болтуна и бабника, фальшивую монету.

– Да ладно, тетя Тося, у других еще хуже, – примиряюще говорила я.

Чужие беды действовали на тетю Тосю благотворно. Они примиряли ее с действительностью.

Моя сестра Ленка жила у свекрови, но это оказалось еще хуже, чем у матери. Она вернулась обратно. Ее муж Гарик остался дома со своей мамой. Все разошлись по своим мамам. Ленка и Гарик еще не выросли, и это не зависит от возраста. Можно не вырасти никогда.

Жизненные успехи Нонны не давали мне покоя, и я тоже решила поступить в театральную студию и стать артисткой. Тем более что у меня в этом мире образовалось весомое знакомство: Царенков.

Я попросила Царенкова меня послушать. Нонна дала мне время: среда, одиннадцать утра, аудитория номер семь.

– Только не опаздывай, – строго приказала Нонна. – Ему к двенадцати надо быть у врача.

– А что с ним? – участливо спросила я.

– Не важно, – отмахнулась Нонна, и я догадалась: геморрой.

Но это не мое дело, а тети-Тосино. Ровно в одиннадцать утра я была на месте, в аудитории номер семь. Чтобы понра-

виться Царенкову, я надела шапку из рыси. Меха увеличивал голову, я была похожа на татарина.

– Что ты будешь читать? – спросил Царенков.

– Монолог Сони из «Дяди Вани». Антон Павлович Чехов, – уточнила я.

– Это понятно.

Царенков приготовился слушать.

Я была вполне кокетливая девица, но с ним не кокетничала. Я его не чувствовала. Холеный, но необаятельный.

– Он ничего не сказал мне, – начала я. – Его душа и сердце все еще скрыты от меня.

Но отчего я чувствую себя такую счастливою?..

Я сделала паузу, как будто слушала свое счастье.

– Ах, как жаль, что я не красива!.. – с тоской воскликнула я.

Эти слова принадлежали Соне, а не мне. Я-то знала про себя, что я вполне красива и более того. Я – неисчерпаема. И поэтому было особенно сладко произносить: «Ах, как жаль, что я не красива...»

Я стискивала руки, и легкий мех рыси вздрагивал над моим лбом.

Царенков выслушал от начала до конца. Встал со стула. Прошелся из угла в угол. Потом обернулся ко мне и сказал:

– Ваши способности равны нулю с тенденцией к минус единице. Поищите себя на другом поприще.

Я спокойно выслушала и не поверила. Я чувствовала, что

во мне что-то есть. Я заподозрила, что это Нонна накрутила мужа против часовой стрелки, не захотела конкуренции! И второй вариант: он ничего не понимает. Мало ли профессоров, которые ничего не понимают. Фальшивый рубль.

Я убралась восвояси.

Я решила пойти другим путем: поступить во ВГИК на сценарный факультет. Стать сценаристом и самой написать себе роль.

Я именно так и поступила. Подала документы во ВГИК. Стала готовиться. Мой муж нервничал. Он не хотел, чтобы я шла в кино, где вольные нравы и большие соблазны. Он хотел, чтобы я была только его, а он – только мой. Лучше жить в сторонке от ярких ламп, от славы и денег, которые, как известно, портят человека.

Но мне хотелось именно яркого освещения, яркого существования, славы и денег, которые ходят парой.

У нас с мужем были разные ценности. Его мама, моя свекровь, переживала за своего сына. Она понимала, что, выпустив меня из загона, как гусенка, он меня потом не поймает. Но она понимала и меня. И держала мою сторону. Она умела подняться над родовыми интересами и этим очень сильно отличалась от тети Тоси.

Я провалилась во ВГИКе. После провала я вернулась домой. Вместо сумки у меня был красный чемоданчик, аналог современного кейса. Я вошла в комнату. Вся семья обедала

за столом. Они перестали жевать и остановили на мне вопрошающий взор.

Я должна была сказать: «Я провалилась. Можете радоваться».

Или без «радоваться». Просто провалилась. Но я не могла это выговорить.

Я бросила свой красный чемоданчик о стену и взвыла. И упала на кровать лицом в подушку. И выла в подушку, приглушенно, но душераздирающе.

Мой муж и его семья: папа, мама и сестра – молча переглянулись, тихо поднялись и стали надо мной, как маленькая стая над поверженной птицей.

Они искренне сострадали моему горю и отдали бы все, только чтобы я не выла так горько.

Вечером свекровь привела соседку, которая хорошо гадала на картах.

Соседка раскинула карты и сказала:

– Сначала ты не поступишь. Вон черная карта. Это удар. Но потом благородный король будет иметь разговор, и тебя примут. Вот король. Вот исполнение желаний.

Все с надеждой смотрели на гадалку. Всем хотелось, чтобы ее слова сбылись. И они сбылись.

Я действительно обратилась к благородному королю, он имел беседу с ректором ВГИКа, и меня взяли. Я поступила в Институт кинематографии.

Сейчас я понимаю: институт ничему не мог меня на-

учить. Невозможно научить таланту. Но институт очертил мой круг. Этот круг говорил: «Пойдешь туда, знаешь куда. Принесешь то, знаешь что...»

И я пошла.

Мой муж был рад за меня. Он переступил через себя. И свекровь тоже была рада. Она понимала: никого не надо подчинять и переделывать. Свобода – это составная часть счастья.

Впоследствии свекровь мне говорила:

– Ты сама себя сделала...

Она не преувеличивала мои победы, но и не преуменьшала. Она сама по себе была очень неординарным человеком. А «чем интереснее человек, тем больше интересных умов видит он вокруг себя». Чья это мысль? Не помню. Но не все ли равно?

– Представляешь? – Голос тети Тоси в трубке был хрипловатым и мстительным. – Я сегодня вижу, он стоит перед зеркальным шкафом и смотрит на себя во весь рост.

– Голый? – не поняла я.

– Почему голый? В костюме. На работу собрался. Волосы причесал мокрой расческой. А в расческе вата.

– Зачем?

– Чтобы перхоть снять.

– Ну так хорошо, – говорю.

– Расчесал. Стоит смотрит. Я думаю: чего это он смотрит?

А он расстегнул ширинку и переложил яйца с одной ноги на другую.

– Какие яйца? – не поняла я.

– Ну какие у мужиков яйца?

– О боже! – догадалась я. – Куда вы смотрите?

– А потом взял и положил обратно. Как было, – продолжала тетя Тося.

– А зачем?

– Ну, чтоб красивше было.

– Человек выступает перед аудиторией, перед молодыми студентками. Он не должен упустить ни одной мелочи. Что тут особенного? – заступилась я.

– Скажи, зачем женатому человеку перекладывать яйца с места на место? Кому он хочет нравиться? Поверь моему слову: он бабник. Он бросит мою Нонну. Страхнет, как сопля с пальцев. Вот увидишь!

Я содрогнулась от такой участи.

– Во-первых, не бросит, – возразила я. – А если и бросит, то из-за вас. Вы устраиваете из их жизни гадючник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.